

И. Н. ОСИНОВСКИЙ

ТОМАС МОР — ГУМАНИСТ И ПОЛИТИК

Жизнь и творчество великого гуманиста и социалиста-утописта Томаса Мора издавна вызывает большой интерес как в Советском Союзе, так и за рубежом. Только в СССР знаменитая «Утопия» Мора выдержала 6 изданий и тираж ее составил около 400 тыс. экземпляров. В ближайшее время выйдут в свет полный перевод на русский язык латинской поэзии Мора и его «История Ричарда III». В последнее 10-летие заметно повысился интерес к нему в зарубежной историографии¹. Серьезным стимулом к дальнейшему исследованию его жизни и деятельности стала большая работа, проводимая в Йельском университете (США), по изданию 16-томного полного собрания сочинений Т. Мора под общей редакцией проф. Р. С. Сильвестра, с участием крупных ученых разных стран. Несомненно, такая значительная по размаху и трудностям научная публикация не может не способствовать появлению новых исследований, посвященных мировоззрению Т. Мора и, в частности, одному из самых выдающихся его трудов — «Утопии».

Еще совсем недавно в работах отдельных буржуазных историков ярко проявлялась тенденция дискредитировать и опорочить положительный идеал «Утопии». Например, даже такой известный специалист по истории Англии эпохи Тюдоров, как Д. Мекки, утверждал, что в утопическом государстве Мора будто бы нет никакой свободы, что жизнь на острове Утопия скучна и однообразна, индивидуальность человека там всячески подавляется и вообще это агрессивное государство, постоянно угрожающее соседним народам и «удивительно похожее на... Германию Гитлера»². Значительно дальше в своих фальсификаторских измышлениях в оценке талантливого произведения Т. Мора пошел Ш. Авинери в статье «Война и рабство в „Утопии“ Мора». Используя рискованные исторические параллели, тенденциозно оперируя текстом произведения, Авинери выискивает сходство политики идеального государства Мора с «казуистикой современной холодной войны», пытается обосновать, что в «Утопии» якобы прославляются идеи превосходства одного народа над другим, чуть ли не проповедь сознательного геноцида, теории борьбы за жизненное пространство³.

Однако подобного рода спекулятивно-тенденциозные трактовки «Утопии», основанные на грубой фальсификации и модернизации, в настоящее время уже не встречают поддержки у большинства зарубежных исследователей. Этому в немалой степени способствовал и выход в свет в течение последнего 10-летия серии серьезных историко-текстологических работ, посвященных «Утопии». Таковы прежде всего монографии Дж. Хекстера и Э. Суртца⁴, в которых дается всесторонний текстологический анализ

¹ В декабре 1962 г. в Брюсселе была создана международная «Ассоциация друзей Томаса Мора», объединяющая исследователей жизни и творчества Мора из многих стран. С 1963 г. она издает во Франции (Анжер) специальный научный бюллетень «Moreana». Уже выпущено в свет 36 номеров этого бюллетеня.

² I. D. Mackie. The Earlier Tudors 1485—1558. Oxford, 1962, p. 263, 264.

³ Sh. Avineri. War and Slavery in More's Utopia. — «International Review of Social History», vol. 7, pt. 2, Amsterdam, 1962, p. 261—264.

⁴ J. H. Hexter. More's Utopia: The Biography of an Idea. Princeton, 1952; E. Surtz. The Praise of Pleasure. Philosophy, Education and Communism in More's Utopia. Harvard University Press, 1957; его же. The Praise of Wisdom. Chicago, 1957.

и исследование литературных источников «Утопии», что позволяет более глубоко понять гуманистическое мировоззрение Т. Мора. В отличие от традиционной католической концепции Э. Суртца показывает тесную связь коммунистического идеала «Утопии» с религиозно-этическими исканиями Мора и его единомышленников-гуманистов (Колета, Эразма, Бюде и др.) в период, предшествующий Реформации. Но он не уделяет должного внимания социально-экономическим предпосылкам, оказавшим решающее воздействие на формирование коммунистического идеала «Утопии», рассматривает этот идеал сквозь призму христианского учения об общей жизни, а все идейное богатство «Утопии» сводит главным образом к христианской этике. И поэтому, как ни значительно было влияние раннехристианского идеала равенства на Мора, как ни важны были для него проблемы этики, главная цель «Утопии», ее основное содержание заключались в том, чтобы найти пути к переустройству господствовавшей тогда социально-политической системы. Основу коммунистического идеала Мора составляли не столько литературные веяния, сколько трагическая острота социальных конфликтов эпохи первоначального накопления. Именно она и побудила его поставить вопрос о порочности всей общественной системы, основанной на частной собственности и эксплуатации.

После капитальных исследований Суртца и Хекстера уже трудно без риска попасть впросак говорить о несерьезности «Утопии», якобы являющейся всего лишь «шуткой», «игрой ума», как недавно еще утверждали некоторые исследователи католического направления.

В настоящее время в трудах буржуазных исследователей все определеннее проявляется другая тенденция — сводить всю проблематику «Утопии» к христианской этике Мора. Весьма показательна в этом отношении недавно опубликованная в США книга Роббина Джонсона «Утопия Мора, идеал и иллюзия», в которой автор утверждает, что Мор якобы использовал миф об идеальной Утопии лишь с целью подчеркнуть неуловимость социальной истины. Главная же его задача, по мнению автора, состояла в призыве к нравственному совершенствованию, к «осознанной совести», преодолевающей разрыв между фикцией идеала, проповедуемого Гитлодеем, и реальностью»⁵. Однако существо «Утопии», как показали ученые-марксисты, определяет не этика, а идея социального преобразования, поиск наиболее совершенной социально-политической системы, способной обеспечить счастье человеку труда и навсегда покончить с эксплуатацией.

Широта в постановке Мором важнейших социально-политических проблем эпохи, лишенный конфессиональной тенденциозности подход к проблемам этики, религии, политики, социальных отношений, характерные для «Утопии», часто ставили в тупик католических историков, пытавшихся согласовать идейное содержание «Утопии», ее религиозную терпимость с последующей позицией Мора в полемике с протестантами. Отсюда столь распространенная до недавнего времени тенденция рассматривать «Утопию» как произведение, которое было написано Мором якобы исключительно для развлечения своих друзей⁶. В последних работах буржуазных исследователей, посвященных «Утопии», такое непонимание серьезных намерений Мора уже не рассматривается как исключительная черта, присущая историкам католического направления.

Несмотря на историческую ограниченность взглядов Мора, значение «Утопии» огромно. Она оказала глубокое влияние на последующее поколение социалистов-утопистов, на развитие социалистических идей. Написанная в начале XVI в., «Утопия» независимо от ее первоначального исторического контекста и дальнейшей эволюции взглядов Мора обретает самостоятельную жизнь, находя все новых и новых последователей, оказывая мощное воздействие на развитие идей утопического социализма от Кампанеллы до эпохи Великой французской революции. Как показали исследования советского историка А. Р. Иоаннисяна⁷, под непосредственным воздействием «Утопии» во Франции XVIII в. шел бурный процесс развития коммунистических идей, сказавший в свою очередь существенное влияние на формирование утопического социализма

⁵ R. S. Johnson. *More's Utopia, Ideal and Illusion*. New Haven, 1969, p. 148.

⁶ D. Sargent. *Thomas More*. New York, 1948, p. 65.

⁷ А. Р. Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966, стр. 78—79, 93—94 и далее.

ХІХ в., который в дальнейшем послужил одним из источников теории научного коммунизма К. Маркса. Потому историческая заслуга Т. Мора, ставшего родоначальником целого направления в истории социализма, бесспорна.

* * *

Более четырех столетий прошло с июльского утра 1535 г., когда на большой площади против лондонского Тауэра на эшафот поднялся человек, личность и судьба которого, по-видимому, никогда не перестанут волновать людей. Это был Томас Мор — писатель-гуманист, поэт, мечтатель и мыслитель, юрист, политик и богослов, друг Эразма Роттердамского и лорд-канцлер королевства Великобритании. Среди многочисленных отзывов современников поистине пророческий смысл приобрели слова, написанные в 1520 г. Робертом Уиттингтоном, оксфордским грамматиком и одним из почитателей автора «Утопии»: «Мор — человек ангельского ума и редкостной учености. Равных ему я не знаю. Ибо где еще найдется человек такого благородства, скромности и любезности? И, если то ко времени, — предающийся удивительной веселости и потехе, в иное же время — грустной серьезности. Человек для всех времен»⁸.

Т. Мор происходил из зажиточной семьи потомственных лондонских юристов. Отец его был судьей и даже удостоился дворянского титула. По словам Мора, его семья была, «хотя и не знатного, но честного рода». Томас родился 6 февраля 1478 г. в Лондоне на Милкстрит (Молочная улица). Столетием позже известный английский хронист Дж. Стау рассказывал, что на этой небольшой улице старого Лондона находилось «много прекрасных домов богатых купцов» и состоятельных горожан. Сэр Джон Мор был человеком строгих правил, он считал, что сын должен пойти по его стопам. Так что судьба юного Томаса была отчасти предрешена: его ожидала обеспеченная карьера полноправного члена лондонской корпорации юристов и доходная должность адвоката либо судьи.

Первоначальное образование он получил в грамматической школе при госпитале Св. Антония, считавшейся одной из лучших начальных школ Лондона. Стау сообщает, что и в его юности (30-е годы XVI в.) эта школа славилась превосходными учителями. Главным предметом была латынь. От учащихся требовалось умение писать и говорить на латыни. Согласно распространенному тогда обычаю посылать 12—14-летних юношей служить в качестве пажей в одном из знатных семейств сэра Джон Мор благодаря своим связям устроил Томаса в Ламбетский дворец, в свиту первого прелата английской церкви архиепископа Кентерберийского (впоследствии кардинала) Дж. Мортон, который был разносторонним и образованнейшим человеком своего времени: ученым, юристом, архитектором, опытным дипломатом и государственным деятелем. Его политическая карьера проходила при нескольких королях, в самой гуще политической борьбы времен войны Роз. В царствование Генриха VII Мортон некоторое время был лордом-канцлером Англии. Пребывание у Мортон послужило хорошей интеллектуальной школой для Мора, помогло ему освоиться с обычаями высшего света.

Высоко оценив незаурядные способности Мора, Мортон пожелал, чтобы его юный воспитанник продолжал образование, и в 1492 г. по совету Мортон старший Мор определил сына в Оксфордский университет. Согласно семейной традиции Томас учился в тогдашнем Кентерберийском колледже Оксфордского университета, основанном бенедиктинцами, и как всякий начинающий студент штудировал традиционный тривиум: грамматику, риторику и логику.

В 1494 г. по настоянию отца Томас Мор покинул Оксфорд и возвратился в Лондон, где в течение нескольких лет изучал юриспруденцию в специальных юридических школах Лондона, и около 1502 г. стал «полным» адвокатом.

В 1504 г. 20-летний Мор был избран членом палаты общин в последнем парламенте Генриха VII. Парламент собрался 20 января 1504 г. и был распущен в конце марта. Король потребовал от палаты общин утверждения новых субсидий — феодальных помочей — по случаю посвящения в рыцари в 1498 г. старшего сына принца Артура, умершего за два года до созыва парламента, в связи с замужеством в 1503 г. дочери

⁸ Цит. по: R. W. Chambers, Thomas More, London, 1935, p. 177.

принцессы Маргариты. Мор так смело и убедительно отверг притязания короля, что палата общин целиком его поддержала. По этому поводу королю доложили, что какой-то «безбородый мальчишка расстроил весь его замысел». После этого инцидента Мор надолго оставляет политику. После ухода из университета и в период учебы в юридических школах Лондона он сближается с кружком оксфордских гуманистов — У. Гроцином, Т. Линакром, Дж. Колетом. Под их непосредственным воздействием складывалось мировоззрение Мора. К этому же кружку гуманистов принадлежал и У. Лили, который, хотя и был десятию годами старше Мора, стал одним из ближайших его друзей; оба они были страстно увлечены древнегреческой поэзией.

Идейное и нравственное влияние Колета на Мора было особенно глубоким: он был духовным руководителем Мора, который остро и болезненно ощущал жестокость и безнравственность мира социальной несправедливости, корысти и чистогана и был бессилен что-либо изменить в этом мире: «Всюду скрежет ненависти, всюду бормотанье злости и зависти, всюду люди служат своему чреву, главенствует над мирской жизнью сам дьявол»⁹. Этот разлад был причиной глубокого духовного кризиса, пережитого Мором и едва не приведшего его в монастырскую обитель.

Влияние на Мора его друзей-гуманистов может быть прослежено главным образом в двух направлениях. С одной стороны, Мора, как и его друзей, увлекала античность, он выступал горячим поборником изучения греческого языка, без чего нельзя было всерьез говорить об овладении античной философией и литературой, с другой — Мор был целиком захвачен предреформационными проектами Колета, призывавшего «очистить» католическую церковь от схоластических хитросплетений и догматизма, затемнявших, по мнению гуманистов, подлинный смысл христианского учения, выраженный в Новом завете, и энергично обличал невежество и распущенность духовенства. Так, в феврале 1512 г., выступая перед собранием английского духовенства, Колет призывал очистить церковь от пороков: «Я хотел бы, чтобы вы немедленно вспомнили ваше звание и сан и подумали о реформе церкви... Никогда еще положение церкви не требовало более энергичных действий»¹⁰.

Реформа церкви, предполагавшая возрождение «подлинной» христианской этики, мыслилась гуманистами, последователями Колета, как основа будущего обновления и преобразования общества и ликвидации социальных пороков. Религиозно-этическая трактовка социально-политических проблем составляла своеобразие гуманистического мышления Колета и его последователей, в числе которых были Томас Мор и Эразм Роттердамский. В научной литературе принято называть деятелей этого круга «христианскими гуманистами»¹¹. Идеологическая специфика гуманистического движения той поры определялась идейным влиянием католицизма на гуманизм. Характерно, что такие черты католической доктрины, как глобальность, общечеловеческий характер в постановке важнейших религиозно-философских проблем в тот период, когда всякое философское мышление было преимущественно религиозным мышлением, пронизывают насквозь все литературное творчество корифеев гуманизма Эразма и Мора.

Католическая доктрина и сама организация католической церкви во главе с папой, выступавшая от имени народов и государств Европы в качестве некоего целого, с самого начала составляли, по мнению Колета и его единомышленников, ту единственную исторически реальную основу, на которой только и мог возникнуть Вселенский проект их гуманистической реформы. Однако на рубеже XV—XVI вв. вселенская организация католической церкви переживала кризис, а сам католицизм — официальная идеология феодального общества — все больше вырождался в схоластический догматизм.

Кружок оксфордских гуманистов, объединявший Колета, Гроцина, Линакра, Лили и их друзей, прежде всего Эразма и Мора, стал той идейной средой, в которой складывалось мировоззрение будущего автора «Утопии». При этом очень важное значение для формирования и развития Мора как гуманиста имела его встреча и дружба с Эразмом. Рассказывают, что Мор и Эразм встретились впервые случайно, на торжественном обеде у лорда-мэра Лондона. Здесь и состоялось их знакомство, пере-

⁹ «The Correspondence of Sir Thomas More». Ed. by E. F. Rogers. Princeton, 1947; p. 7; T. Stapleton. *Tres Thomae*. Dvaci, 1588, p. 20.

¹⁰ J. H. Lupton. *Life of John Colet*. London, 1887, Appendix C, p. 295—296.

¹¹ См. С. Марк и ш. Знакомство с Эразмом из Роттердама. М., 1971, стр. 13.

шедшее вскоре в самую сердечную дружбу на всю жизнь. Это произошло в 1499 г., во время первого приезда Эразма в Англию. Мору тогда было немногим более 20 лет. Сохранилось письмо Эразма, написанное в Лондоне 5 декабря 1499 г., в котором он давал весьма лестную оценку своим новым английским друзьям: «Когда я слушаю моего друга Колета, мне кажется, что я слушаю самого Платона. Кто не удивится обширным познаниям Гроцина? Как глубоки и утонченны суждения Линакра! Создавала ли когда-нибудь природа более благородный, нежный и счастливый характер, чем у Томаса Мора? Поистине изумительно, сколь велики плоды древней учености в этой стране»¹².

До конца царствования Генриха VII, т. е. до 1509 г., Томас Мор занимался адвокатской практикой, связанной с делами Сити. Так, в сентябре 1509 г. Мор выступал в качестве переводчика и юриста Сити при переговорах лондонской компании «купцов-авантюристов» с представителями магистрата Антверпена. Судя по всему, деловые качества Мора как адвоката, опытного латиниста и оратора в немалой степени способствовали успеху переговоров. Авторитет Мора и его популярность в деловых кругах Сити продолжали расти. Поэтому, когда в январе 1510 г. был созван парламент, Сити избрало Мора своим депутатом. В архивах того времени сохранилась краткая запись: «Мор-младший — депутат парламента от Лондона». 3 сентября того же года Мор был назначен на ответственную должность одного из двух помощников шерифа города в качестве судьи по гражданским делам и находился на этом посту вплоть до 1518 г.

Службу Мор сочетал с напряженной литературной деятельностью, которую он не прекращал в течение всей своей жизни. Анализ литературного наследия Мора, подавляющая часть которого еще не издавалась на русском языке, дает возможность познакомиться с основным кругом идей, определивших его духовный мир, политические и религиозные идеалы.

Творчество Мора отличалось и богатством содержания, и разнообразием жанров. Не без влияния Колета Мор увлекался идеями итальянского гуманиста Пико делла Мирандолы, особенно его этикой. Он перевел на английский язык биографию Пико и его письма. Кроме того, литературное наследие Мора включает «Историю Ричарда III» и «Утопию», переводы на латинский язык древнегреческих поэтов и собственные оригинальные поэтические опыты на английском и латинском языках, богатое эпистолярное наследие и острые полемические религиозные трактаты.

Как поэт Мор оставил 280 латинских стихотворений-эпиграмм и две небольшие поэмы. Точная датировка большинства их затруднительна. По свидетельству Эразма, Мор «еще в юности... баловался эпиграммами». Однако основная часть латинской поэзии создана им в период 1508—1518 гг. Тематика стихотворений весьма разнообразна: более 20 эпиграмм на королей и правителей, 10 — на астрологов и врачей, 5 — на священников. Здесь мы вынуждены ограничиться лишь социально-политической темой поэзии Мора.

Традиция античного свободолобия и ненависть к различным формам тирании, проповедуемые в сочинениях Эразма и Мора в условиях феодальной Европы XVI в., имели глубоко прогрессивное значение, способствуя развитию политической идеологии формировавшейся буржуазии. Обоснованию тираноборческих идей Мор отводил значительное место в латинских эпиграммах. Отметим только одну, на наш взгляд, весьма существенную точку зрения Мора на королевскую власть. Осуждая тиранию и противопоставляя тирану свой идеал государя, Мор решительно отвергал идею о якобы божественном происхождении королевской власти и развивал мысль о возникновении королевской власти в результате народного волеизъявления. «Народ своей волей дает власть и отнимает ее... Любой, принявший власть над многими людьми, — должник правленью вверивших. И во главе стоять не дольше должен он, чем захотят избравшие»¹³, — читаем мы в одной из эпиграмм Мора.

Так, в эпиграмме, посвященной вопросу о наилучшей с точки зрения общественного блага форме управления, Мор говорил о преимуществах коллективного органа власти — сената — перед единоличной властью короля. Отдавая предпочтение государст-

¹² «Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami». Ed. by P. Allen, vol. I, № 118, Oxford, 1906, p. 273—274.

¹³ Th. M o r e. The Latin Epigrams, Chicago, 1953, p. 52.

венному устройству, основанному на демократических принципах, Мор обосновывал свой выбор тем, что «избран народом сенат, короли же рождаются в коронах; жребий здесь правит слепой, там же — надежный совет. И понимает сенат, что он создан народом, король же думает, что для него создан подвластный народ»¹⁴. Между тем с точки зрения гуманистической концепции Мора добрый государь должен заботиться прежде всего о благе своих подданных. В противном случае он — тиран, настоящее бедствие для своего народа: «Долго живя, свой народ острижет король ненасытный». И заблуждается тот, кто верит, что «алчный король насыщаем; эта пиявка всегда будет себя набивать»¹⁵.

В его латинской поэзии нашли отражение и настроения предреформационной эпохи. Мор в эпиграммах остроумно высмеивал пороки католического духовенства¹⁶. Таковы, в частности, эпиграммы о глупом и невежественном епископе по имени Постум, которого выбирали особенно тщательно, потому что «хуже его и глупей было бы трудно избрать»¹⁷. В одной из эпиграмм на епископов, полной сарказма, Мор заключает: «Хочешь епископом быть — бойся учености».

Какое нравственное воздействие может оказать на своих прихожан невежественный и аморальный пастырь? — вот вопрос, который тревожил Колета, Мора, Эразма и их единомышленников-гуманистов, побуждая активно бороться за реформу церкви. Такова главная подоплека антиклерикальной направленности проповедей Колета, «Похвалы глупости» Эразма и латинских эпиграмм Мора, в которых он бичевал роскошь и стяжательство духовенства. Эпиграммы Мора о духовенстве по содержанию очень близки «Похвале глупости» и обнаруживают общность взглядов обоих друзей на современное им духовенство и задачи реформы церкви. В справедливости этого положения нас убеждает также ряд писем-памфлетов Мора против обскурантизма и в защиту автора «Похвалы глупости», подвергнувшегося резким нападкам ортодоксально настроенных теологов. Таковы, в частности, письма Мора к Мартину Дорпу, Оксфордскому университету, неизвестному монаху, написанные в 1515—1520 гг.¹⁸

Письма-памфлеты Мора очень важны для понимания идейной борьбы эпохи и характеризуют его как блестящего полемиста. Все они так или иначе касаются Эразма и тогдашнего европейского гуманистического движения в целом и потому представляют собой яркий документ идейной борьбы гуманистов против схоластики. Мор блестяще защищает Эразма, великого ученого-мыслителя, перед которым он всегда преклонялся, от реакционных приверженцев схоластики. И самое главное, Мор наносит удар обскурантизму, реакционным богословам, стремившимся погубить гуманистическую науку, апеллирующую к разуму и просвещению. То, что воинствующие обскуранты избрали Эразма своей мишенью, далеко не случайно. В глазах всей тогдашней просвещенной Европы Эразм был оплотом гуманизма.

Благодаря Эразму европейцам стали доступны многие произведения Плутарха, Лукиана, Ксенофонта, Эврипида, переведенные им с древнегреческого на латинский, являвшийся в XVI в. международным литературным языком. Большое значение в борьбе гуманистов против реакционных богословов-схоластов имел грандиозный труд Эразма по изданию исправленного им греческого текста Нового завета с переводом его на латинский и тщательным филологическим и историческим комментарием. Эразм не только положил начало критическому изучению Библии, но и нанес удар по авторитету церкви и схоластической науке, обнаружив многочисленные ошибки и противоречия в общепринятом и официально утвержденном церковью тексте Нового завета.

Издание перевода Нового завета в 1516 г. в Базеле Мор и его друзья — Колет, Ливакр, Фишер, а также покровитель Эразма архиепископ Кентерберийский Уорхем — воспринимали как важный шаг к осуществлению реформы церкви, о которой они мечтали.

Под влиянием Мора в 1509 г. Эразм написал свою знаменитую сатиру «Похвала

¹⁴ Ibid., p. 83.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibid., № 53, 158, 160, 186—188.

¹⁷ Под именем Постума высмеян Джеймс Стенли, получивший епископский сан в 1506 г.

¹⁸ «The Correspondence of Sir Thomas More», p. 27—74, 11—120, 165—206.

глупости». В гостеприимном доме Мора и зародился замысел «Мории» (сокращенное название «Похвалы глупости», от греческого «мория» — глупость). В этой остроумной и смелой сатире гуманиста на весь тогдашний «христианский мир» нашли выражение взгляды не только самого автора, но и Мора, Колета и их друзей. Эразм впоследствии признавался, что побудить его сочинить эту насмешливую, от начала до конца пронизанную юмором книгу было столь же необычной вещью, как заставить верблюда плясать на канате. В предисловии к книге, написанном в форме послания к «своему милому Томасу Мору», Эразм выразил восхищение многочисленными талантами друга и посвятил ему свою «Морию». Письмо Эразма заканчивалось словами: «Прощай, мой красноречивый Мор, и Морию твою защищай всеусердно»¹⁹.

Томас Мор не раз защищал Эразма от нападок схоластов, от оскорблений и злобных выпадов монахов.

Пошутки теологов доказать вредность и даже греховность сочинений древнегреческих писателей и даже запретить само изучение греческого языка вызвали резкий отпор Томаса Мора в его письме к Оксфордскому университету. Оно было написано в начале 1518 г., когда влияние обскурантизма коснулось и Оксфордского университета, угрожая подорвать сложившиеся там некогда гуманистические традиции обучения.

Критические взгляды Мора-гуманиста на королевскую власть и духовенство нашли свое выражение не только в эпиграммах, но и в таких произведениях Мора, как «История Ричарда III». Неоконченная «История Ричарда III» — это единственное историческое сочинение Мора. Написанное им в двух вариантах: на латинском и английском языках, оно при жизни Мора не было опубликовано, однако после его смерти, начиная с 1543 г., печаталось в составе английских хроник Хардинга Холла, Стау, Холиншеда; в первый раз «История Ричарда III» вышла анонимно, так как в те времена упоминать в печати имя Мора, осужденного за «государственную измену», было небезопасно.

Как показывают современные текстологические исследования, время написания обоих вариантов «Истории» — 1514—1518 гг.²⁰ — совпадает с написанием «Утопии», что весьма существенно для понимания определенной внутренней связи, которая существует между этими двумя произведениями и отчасти обнаруживается в трактовке Мором политических проблем своего времени. Оригинальность Мора проявляется не столько в новом материале, который он вводит в повествование, сколько в трактовке этого материала. В «Истории Ричарда», помимо описания исторических событий, Мор поднимает вопрос о взаимоотношениях государя с народом и отчетливо высказывает точку зрения по поводу деспотизма и произвола королей: «История Ричарда III» меньше всего похожа на бесстрастное историческое повествование. Симпатии и антипатии автора-гуманиста выступают здесь совершенно отчетливо. По существу это не только исторический труд, но и яркая, художественная повесть о том, как герцог Ричард Глостер, поправ законные права своих племянников — малолетних сыновей короля Эдуарда IV, силой захватил королевский трон и безжалостно лишил жизни юного Эдуарда V и его маленького брата²¹. В чудовищной фигуре Ричарда III Мор увидел антипод того идеального государя, о котором мечтали гуманисты. В этом смысле не без оснований новейшие исследователи «Истории Ричарда» склонны истолковывать это произведение как своеобразный жанр «апологии от противного»²². Однако печатать сочинение, подобное «Истории Ричарда», столь недвусмысленно порицавшее не только и не столько «злодея и тирана» Ричарда, но в еще большей степени политическое лицемерие и демагогию, т. е. тиранию как систему политического управления, систему беззакония, прикрывавшуюся видимостью соблюдения законов, было бы далеко небезопасно для его автора.

¹⁹ Эразм Роттердамский. Похвала глупости. М., 1958, стр. 11.

²⁰ R. S. Sylvester. Introduction. — «The Complete Works of St. Thomas More. The History of King Richard III», vol. 2, New Haven, 1963, p. LXIII—LXV.

²¹ Подробный разбор «Истории Ричарда III» см. в нашей статье «Политическая тенденция «Истории Ричарда III» Томаса Мора». — «Европа в средние века: экономика, политика, культура». М., 1971; М. А. Барт. Ричард III — сценический и исторический. — «Новая и новейшая история», 1972, № 4.

²² На эту тему написано интересное исследование: R. E. Reiter. On the Genre of Thomas More's «Richard III», — «Moreana», № 25, 1970, p. 5—16.

Мор не только осуждает тиранию Ричарда с точки зрения гуманистической морали, но и глубоко осмысливает политическую систему управления в условиях королевского деспотизма, где все средства считались хорошими в борьбе за достижение, упрочение и сохранение единовластия. Такими средствами являются в первую очередь террор, подкуп, а также политическая агитация с применением демагогии и политического лицемерия, с неприменной апелляцией к религии и морали. Размышляя о гражданской позиции человека в условиях королевского деспотизма, Мор приходит к пессимистическому выводу: не надо вмешиваться в «дела королей». Этим ты существенно ничего не изменишь, но лишь рискуешь нарушить «правила игры» и погубить себя.

Вместе с тем автор «Истории Ричарда», не меняя своей прежней скептической точки зрения о неблагодарной миссии пытаться воздействовать на политику королей, сам вскоре поступает на королевскую службу и становится одним из советников Генриха VIII. Этому немало способствовала его деятельность на посту помощника шерифа Лондона. Мор пользовался в городе немалым авторитетом: его роль не только в деловой, но и в политической жизни Сити становилась все активнее. В мае 1515 г., по предложению лондонских купцов, Мор как представитель Сити был включен в состав королевского посольства во Фландрию. Посольству предстояло улаживать коммерческие и дипломатические конфликты, возникшие в связи с договорами о торговле шерстью и сукном между Англией и Нидерландами, подписанными еще при Генрихе VII в 1496 и 1506 гг. Из-за династических споров между Генрихом VIII и Карлом Габсбургским (будущим императором Карлом V) была временно прекращена торговля между Англией и Нидерландами: английским купцам было заказано вывозить шерсть в Нидерланды и одновременно был запрещен ввоз в Англию фламандских тканей. Переговоры проходили в Брюгге и завершились успешно. История этого посольства во Фландрию впоследствии была описана Мором в первой книге его «Утопии»²³.

Мор блестяще справился с возложенной на него миссией купеческого посредника и дипломата. Во время его поездки в 1515 г. произошла встреча и состоялось знакомство Т. Мора с выдающимся нидерландским гуманистом Петром Эгидием, чье имя Мор увековечил в «Утопии». Петр Эгидий был знатым гражданином г. Антверпена, где он занимал пост главного секретаря и члена городской ратуши. Один из ближайших друзей Эразма, блестящий знаток античной литературы, греческого и латинского языков и права, автор переводов на латинский язык басен Эзопа и кодекса Юстиниана, Эгидий был связан узами личной дружбы со многими выдающимися гуманистами Европы: Эразмом, Бюде, Лефевр д'Этаплем, Вивесом, Дюрером.

Во время поездки 1515 г. во Фландрию, вдали от родины Мор начинает работу над самым известным его произведением — «Утопией». Как писал Эразм, «сначала на досуге» Мор «написал вторую книгу, а потом... присоединил к ней первую»²⁴. Работу над «Утопией» Мор сумел закончить лишь по возвращении в Англию. 3 сентября 1516 г. он послал из Лондона в Лувен своему другу Эразму рукопись только что законченной книги: «Я посылаю тебе мою Нигдею», — писал Мор и выражал уверенность, что книга окажется в надежных руках. Мор сообщал Эразму, что вместо предисловия к будущей книге он дополнил рукопись «вступительным письмом к моему другу Петру», т. е. Петру Эгидию. Эразм сам только что возвратился из Англии, в гостеприимном доме Мора он провел первую половину августа и, по-видимому, был уже знаком с рукописью «Нигдеи», а, возможно, и обсуждал ее с Мором. Стараниями Эразма и Эгидия осенью 1516 г. в Лувене рукопись была опубликована под названием «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии»²⁵.

«Утопия» начинается с рассказа о посольстве Мора во Фландрию и о том, как однажды он встретил Петра Эгидия в сопровождении пожилого, бородатого незнакомца, с лицом, опаленным солнцем, и в плаще, небрежно наброшенном на плечи. Это был старый моряк и путешественник по имени Гитлодей. Он участвовал почти во всех экспедициях знаменитого Америго Веспуччи, не раз пересек океан, повидал

²³ «Letters and Papers», vol. II, № 422, 473, 480; см. также W. R o p e r. The Life of Sir Thomas More, Knight. Oxford, 1958, p. 9,

²⁴ «Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami», vol. II. Oxford, 1910, p. 339.

²⁵ В переводе с греческого *Утопия* означает место, которого не существует,

многие народы и узнал много диковинного. Все трое — Мор, Эгидий и Гитлодей — тотчас же направились к дому, где остановился Мор, расположились в саду и начали свою увлекательную беседу. Первая часть беседы была посвящена Англии, судьба которой особенно волновала Мора и которую, как выяснилось, Гитлодей знал не хуже, чем сам Мор.

В начале XVI в. Англия переживала глубокие изменения в хозяйственной и общественной жизни. В недрах феодального общества зарождался капитализм. Основная масса английских крестьян к концу XV в. была свободна от крепостничества, но находилась в поземельной зависимости от своих лордов. Однако по мере развития городского ремесла и усиления связей сельского хозяйства с рынком землевладельцы-лендлорды стали выискивать новые, более доходные способы ведения хозяйства. С развитием сукноделия и появлением первых капиталистических суконных мануфактур наиболее прибыльной отраслью сельского хозяйства стало овцеводство. Повышение цен на шерсть как в самой Англии, так и во Фландрии, куда английские купцы издавна ввозили немало английской шерсти, послужило сильным толчком к развитию овцеводства. Охваченные жадной наживы, английские лорды стали отбирать земельные наделы держателей-крестьян, занимавшихся до тех пор хлебопашеством, огораживали отобранную у крестьян землю и превращали ее в пастбища. Так, на месте недавних деревень появлялись пустыри, превращенные в громадные пастбища для овец. Уже в первые десятилетия XVI в. стада некоторых лордов насчитывали до 24000 голов овец. «Ваши овцы обычно такие кроткие, довольные очень немногим, — писал Мор, обращаясь к лордам-огораживателям, — теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города»²⁶.

Страшную картину бедствий, обрушившихся на английских крестьян в связи с огораживаниями, опустошения деревень и толпы нищих, бредущих по дорогам страны вместе с женами и детьми в поисках пропитания, рисует Мор в первой книге. «С тех пор, как один обжора, ненасытная и жестокая язва отечества, уничтожает межи полей, окружает единым забором несколько тысяч акров», крестьяне-арендаторы, «опутанные обманом» или «подавленные насилием», оказываются выброшенными вон. Несчастным людям некуда деваться, им негде искать средства к жизни, «никто ведь не использует их труд, хотя они самым искренним образом предлагают его». Там, где некогда трудилась целая деревня хлебопашцев, теперь достаточно и одного пастуха. Что же остается этим обездоленным людям, «как ни воровать и попадать на виселицу... или скитаться и нищенствовать?»²⁷ Из-за огораживаний и сокращения хлебопашества поднялись цены не только на шерсть, но и на хлеб и мясо, все это ускорило разорение многих ремесленников. Впоследствии К. Маркс в первом томе «Капитала», в главе, специально посвященной истории зарождения капитализма в Англии, приводил яркое свидетельство Мора об огораживаниях, об «овцах, поедающих людей». К. Маркс писал, что «Утопия» наряду с другими свидетельствами современников об огораживаниях убедительно доказывает, что раннее капиталистическое накопление, положившее начало капитализму, происходило не в результате «бережливости» будущих капиталистов, как это пытались доказать буржуазные идеологи, а путем жестокого, насильственного ограбления крестьянства. Рассказ Мора об огораживаниях — это страстный обличительный документ, направленный не только против огораживателей-лордов, но и против всего феодально-абсолютистского государства, которое выступило на защиту интересов дворянства и обрушило на ограбленных крестьян и разорившихся ремесленников, превратившихся в бродяг и нищих, жестокие «кровавые» законы. По этим законам предписывалось бродяг сечь до тех пор, «пока кровь не заструится по телу»²⁸, а за самую мелкую кражу полагалась смертная казнь. Во времена Мора, при Генрихе VII, ежегодно вешали в среднем до 2 тыс. человек, а при Генрихе VIII, как сообщает хроника Холиншеда, было повешено 72 тыс. бродяг и нищих.

Величайшей заслугой Мора было то, что он не ограничился простым описанием народных бедствий, а решился поставить более глубокий вопрос: в чем причина негодности существующего общественного строя? Устами своего собеседника Гитлодея

²⁶ Т о м а с М о р. Утопия. М., 1953, стр. 62.

²⁷ Там же, стр. 64.

²⁸ См. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 23, стр. 745.

Мор дал исчерпывающий ответ на вопрос о том, в чем главная причина бедствий народа — в частной собственности. В обществе, где «есть частная собственность, где все мерят на деньги... вряд ли когда-нибудь возможно правильное и успешное течение государственных дел». Признать общество, где господствует частная собственность, справедливым, по мнению Мора, значит «считать правильным, что все лучшее достается самым дурным... когда остальные решительно бедствуют». Я твердо убежден, что благополучие людей, продолжает Мор, возможно только с полным «уничтожением частной собственности, но если она останется, то наибольшая и наилучшая часть человечества всегда будет испытывать горькое и неизбежное бремя скорбей»²⁹. Лечить такое общество от недугов — все равно, что ставить припарки на тело безнадежно больного. И сегодня, спустя более 450 лет после выхода «Утопии», вызывает изумление и восхищение гениальная провидательность Мора, который еще на заре капитализма сумел рассмотреть эксплуататорскую сущность государства в классово антагонистическом обществе. «При неоднократном и внимательном созерцании всех процветающих ныне государств я могу клятвенно утверждать, что они представляются ничем иным, как неким заговором богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах»³⁰, — эта ясная и точная оценка эксплуататорского государства в «Утопии» Мора и по сей день не утратила своей остроты; можно подумывать, что это сказано сегодня о современных капиталистических государствах.

Во второй части «Утопии» Мор попытался нарисовать картину идеального с его точки зрения устройства общества и государства. По литературной композиции вторая часть «Утопии» написана как продолжение «беседы» с Гитлодеем «о наилучшем состоянии государства». Во время морских странствий в Западном полушарии, рассказывает Мор, Гитлодей случайно попал на один из отдаленных островов, поразивший его своим общественным устройством. Это был остров Утопия.

Жизнь на острове представляет полную противоположность тогдашней европейской действительности. Там нет частной собственности и все люди трудятся. И в этом, по мнению Мора, главная причина счастья и изобилия утопийцев. Труд в Утопии не является обременительным, рабочий день продолжается всего лишь шесть часов, зато остальное время жители проводят по своему усмотрению: занимаются науками, искусством. Все богатства острова принадлежат его гражданам, и каждый пользуется ими по своим потребностям. Таким образом, общественное устройство Утопии основано на принципах социализма и справедливости. Более того, в Утопии действует коммунистический принцип распределения по потребностям.

Чем же достигается изобилие на острове, позволяющее полностью удовлетворять все жизненные потребности граждан? Для этого, по мнению Мора, достаточно ликвидировать паразитизм: ведь в Утопии трудятся все — и мужчины и женщины, здесь нет ни знати, ни челяди, ни других дармоедов. А сколько таких паразитов в любом государстве, где господствует частная собственность! Например, «какую огромную и праздную толпу представляют священники и... монахи. Прикинь сюда всех богачей, которых обычно именуют благородными и знатью, причисли к ним челядь... весь этот сброд ливрейных бездельников... и в результате тебе придется признать, что число тех, чьим трудом создается все то, чем пользуются смертные, гораздо меньше, чем ты думал»³¹. Мор подчеркивает скромность потребностей граждан Утопии.

Простые люди тогдашней Англии, тысячами погибавшие от голода, нищеты и болезней, даже не могли и думать о таком удовлетворении жизненных потребностей, какое допускало «изобилие» утопийцев. В Утопии все бесплатно, каждый получает с общественных складов все, что ему необходимо. Утопийцы любят и ценят красоту, любят жизнь со всеми ее радостями. Мор выразил в книге «Утопия» свое гуманистическое убеждение, что человеческая душа рождена для счастья. Ведь даже цель своего повседневного труда утопийцы видят в том, «чтобы обеспечить, насколько это возможно, всем гражданам наибольшее количество времени после телесного рабства для духовной свободы и образования»³². В этом, по их мнению, заключается счастье жизни. Вся книга Мора проникнута пафосом любви к людям и ненависти к эксплуа-

²⁹ Т о м а с М о р. Указ. соч., стр. 97, 95.

³⁰ Там же, стр. 218.

³¹ Там же, стр. 121—122.

³² Там же, стр. 126.

тации, к угнетению человека. В частности, это проявляется в отношении граждан Утопии к золоту, серебру и драгоценностям. Золото и серебро утопийцы ценят ниже, чем железо. Железо полезно, без него люди не могут жить, так же, как без огня и воды, зато золото бесполезный металл, презираемый утопийцами. Из золота в Утопии делают почные горшки и другие предметы для самых грязных надобностей. Из золота коуют цепи и кандалы для преступников, золотом обвивают шеи и пальцы опозорившихся граждан. Таким образом, утопийцы стремятся к тому, «чтобы золото и серебро были у них в позоре». И это не просто курьез. Для Мора власть денег, власть золота над людьми — одно из самых позорных, самых ненавистных явлений современной жизни. Там, где господствует частная собственность, там и власть золота над людьми. «Дело доходит до того, — писал Мор, — что какой-нибудь медный лоб, у которого ума не больше, чем у пня, и который столько же бесстыден, как и глуп, имеет у себя в рабстве многих умных и хороших людей исключительно по той причине, что ему досталась большая куча золотых монет»³³. Ликвидировав частную собственность, выведя из употребления деньги, утопийцы уничтожили самый корень преступлений: воровства, убийства, предательства, т. е. всего того, чем сопровождается власть золота и денег и с чем так безуспешно в других государствах пытаются бороться путем жестоких законов. «Я убежден, — говорил Гитлодей, заканчивая свой рассказ об Утопии, — что нигде нет такого превосходного народа и более счастливого государства». Поблагодарив Гитлодея за интересный рассказ, Мор заметил, что в Утопии действительно много такого, что он хотел бы видеть осуществленным на практике «в наших государствах». Но тут же грустно добавил: «Я более желаю этого, нежели ожидаю»³⁴. Иными словами, сам Мор, подробно описавший в «Утопии» проект переустройства общества на социалистических началах, мало верил в возможность его осуществления в условиях феодальной Европы. Но социалистические идеи Мора не пропали даром. Под влиянием этих идей были написаны десятки книг, посвященных проблеме переустройства общества на началах равенства и социальной справедливости. Мор стал родоначальником целого направления в истории социализма, получившего название «утопического». Словом «утопия» стали обозначать всякий несбыточный проект, всякую несбыточную мечту. И это не случайно, социалисты-утописты, мечтавшие об установлении на земле справедливого строя, не знали, как это сделать, не знал этого и сам родоначальник утопического социализма Томас Мор. И тем не менее историческая заслуга утопического социализма огромна: идеи социалистов-утопистов впоследствии послужили одним из важнейших источников учения Карла Маркса о социализме.

После выхода в свет «Утопии» Мора очень беспокоила дальнейшая судьба его произведения. Из его писем узнаем, как дорожил он своими утопийцами, своей мечтой о справедливом обществе, как важно было для автора услышать одобрительный отзыв друзей об «Утопии». Получив известие о том, что Эгидий с похвалой отозвался о его книге, Мор написал Эразму: «Я рад, что нашу Нигдею одобряет мой Петр; если она нравится таким людям, она начинает нравиться и мне самому»³⁵. Насколько серьезным был интерес гуманистов к «Утопии» можно судить по той оценке, которую она получила в переписке Эразма с друзьями: «Прочтя «Утопию» Мора, ты подумаешь, что перенесен в другой мир, до того там все ново», — писал Эразм одному из своих корреспондентов в феврале 1517 г.³⁶ «Если ты еще не читал «Утопии» ... постарайся ее достать, если хочешь... увидеть те источники, откуда проистекает почти все зло в государстве», — советовал Эразм другому корреспонденту в письме от 24 февраля 1517 г.³⁷

«Утопию» читали и перечитывали, некоторые даже пытались выучить ее наизусть. Нашлись и такие, которые, не поняв остроумной литературной мистификации Мора, всерьез готовы были отправиться на поиски страны Утопии. Важно, что современники Мора, особенно гуманисты, серьезно отнеслись к социально-политическим идеям «Утопии». В частности, восторженно отзывались об авторе «Утопии» нидерландский и французский гуманисты И. Буслидиад и Г. Бюде. Последний писал в июле 1517 г. своему другу Т. Лапсету: «Я люблю и высоко почитаю его (Мора, — И. О.) за

³³ Там же, стр. 144.

³⁴ Там же, стр. 222.

³⁵ «Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami», vol. II, p. 372.

³⁶ Ibid., p. 459.

³⁷ Ibid., p. 483.

все то, что он написал об этом острове Нового Света. Наш век и будущие века будут иметь в этой истории драгоценный источник практически пригодного законодательства для всех, кто хотел бы воспользоваться им и применить его в своих государствах»³⁸.

Наконец, и сам Мор в переписке с друзьями со всей прямотой выразил собственное отношение к республике утопийцев как государству, которое справедливым общественным устройством превосходит все известные ему государства. «Ты и представить себе не можешь,— писал Мор Эразму,— как я теперь ликую, как я задираю голову: мне до такой степени все время представляется, что мои утопийцы назначили меня своим несменяемым правителем... Я вижу себя шествующим в их почетной диадеме из пшеницы, облаченным во францисканскую рясу, держащим перед собою скипетр из пучка хлебных колосьев, окруженным блистательной свитой амауротов (жителей столицы Утопии.— *И. О.*) ...Я встречаю послов и правителей других народов, прямо жалких в сравнении с нами, совершенно по-дурачки кичащихся тем, что они идут мальчишески разодетые... в оковах из этого презренного золота, потешные в своих порфирах, драгоценных камнях и прочих вздорных погремушках»³⁹.

Эразм, принимавший самое горячее участие в судьбе «Утопии», объяснял в письме Гуттену от 23 июля 1519 г., что свою книгу Мор издал «с намерением показать, по каким причинам приходят в упадок государства; но главным образом он имел в виду Британию, которую глубоко изучил и знал»⁴⁰.

По мнению Эгидия, Мор «обнаружил в своей «Утопии» такую огромную эрудицию, ум и столь богатый опыт в мирских делах, что с ним не может сравниться даже знаменитый путешественник Улисс, а что касается Америго Веспуччи, то по сравнению с Мором он, можно сказать, не видел ровно ничего»⁴¹. Рассказывая о том впечатлении, которое произвела на него «Утопия», Эгидий восторженно восклицал: «Я настолько тронут, восхищен и воспламенен, что иногда мне кажется, будто я сам участвую в беседе и давно нахожусь на острове Утопия. И, уверяю Вас, я едва ли могу поверить, что сам Рафаэль (Гитлодей) за все пять лет, которые он прожил в Утопии, увидел там столь же много, сколько можно увидеть и постичь из описания магистра Мора»⁴².

Итак, из переписки Мора и его друзей видно, какое серьезное значение придавали гуманисты идейному содержанию «Утопии», они вовсе не рассматривали ее как шутку, «пустячок», написанный лишь ради забавы, как это пытались иногда представить некоторые ученые в XIX и XX вв.⁴³ На литературной судьбе «Утопии» сказались идейная и политическая борьба эпохи Реформации и дальнейшая биография самого Мора, занявшего определенное место в этой борьбе. Твердая позиция на стороне католицизма, активная полемика Мора с деятелями Реформации Лютером и Тиндалем, его деятельность на посту лорда-канцлера Генриха VIII и мужественная гибель во имя своих религиозных и политических убеждений — все это в дальнейшем надолго отвлекло внимание современников Мора и последующих поколений от «Утопии», о которой первый биограф Мора и близкий к нему человек Уильям Ропер, проживший с ним бок о бок 16 лет, даже не считал нужным упомянуть в написанной им биографии Мора.

Выход в свет «Утопии» сразу же поставил Мора в центр внимания всей мыслящей Европы⁴⁴. Наряду с ростом политической популярности Мора в Лондоне рос-

³⁸ «The Complete Works of St. Thomas More», vol. 4. New Haven, 1965, p. 14—15.

³⁹ «Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami», vol. II, p. 414.

⁴⁰ Ibid., vol. IV, p. 21.

⁴¹ «The Complete Works of St. Thomas More», vol. 4, p. 20—21.

⁴² Ibid., p. 22—23.

⁴³ D. N i s a r d. Etudes sur la Renaissance. Paris., 1856, p. 183; T. E. B r i d g e t t. Life and Writtings of Sir Thomas More. London, 1891, p. 105; R. L. S m i t h. John Fisher and Thomas More: Two English Saints. London, 1935, p. 72; D. S a r g e n t. Thomas More. New York. 1948; p.65; E. M. G. R o u t h. Sir Thomas More and His Friends. New York, 1963, p. 74.

⁴⁴ Вслед за первым, лувенским, изданием «Утопии» 1516 г. последовало несколько изданий. В 1517 г. вышли парижское издание «Утопии», а затем два базельских (в марте и ноябре 1518 г.). В XVI в. «Утопия» была переведена с латинского на европейские языки. В 1524 г. вышел немецкий перевод «Утопии», в 1548 г. — итальянский, в 1550 г. — французский, в 1551 г. — английский, в 1562 г. — голландский.

ла слава Мора как ученого-гуманиста. Последняя, быть может, сыграла немаловажную роль в дальнейшем развитии политической карьеры Мора. С вступлением на престол Генриха VIII совпадает выдвижение Мора не только как европейски известного ученого-гуманиста и автора «Утопии», но и как крупного государственного деятеля тюдорской Англии.

Удачное выполнение Мором дипломатической миссии во время его посольства во Фландрию и вслед за тем успех его «Утопии» обратили на Мора внимание Генриха VIII, который сделал все, чтобы привлечь автора «Утопии» на королевскую службу. Мор в письме к Дж. Фишеру рассказывал о своем представлении королю: «Я прибыл во дворец совершенно против своего желания, как то знают и как сам король шутливо упрекнул меня в том. Я чувствовал себя там так же неловко, как начинающий ездок в седле. Но наш король так любезен и приветлив к каждому, что всякий может считать себя предметом его особой благосклонности, какого бы скромного мнения он ни был сам о себе... Что же касается меня, то я не настолько счастлив, чтобы воображать, будто заслужил чем-либо его благосклонность к себе, или, что я ее уже, действительно, имею. Но во всяком случае его добродетели столь велики, что я начинаю считать все менее и менее скучной жизнь придворного»⁴⁵.

Приветствуя нового короля в день его коронации, Мор оптимистически заявлял, что «день этот — рабства конец, этот день — начало свободы»⁴⁶.

Поэма Мора, написанная по поводу коронации Генриха VIII, не просто праздничный панегирик; это целая программа деятельности просвещенного монарха, который заботится о благе народа, о мире и королевстве, не терпит произвола, защищает законы и не стремится «к власти без границ», т. е. руководствуется гуманистической философией. Поэма отражала политические идеалы самого Мора и его окружения, видевших в образованном Генрихе VIII будущего покровителя ученых и возможного сторонника гуманистической реформы общества.

В оптимистических надеждах, связанных с началом царствования Генриха VIII, Т. Мор не был одинок. Как и его друзья, например Эразм, он искренне верил в возможность осуществления идеала просвещенной монархии. Для гуманистов добрая воля просвещенного монарха при тогдашних условиях представлялась наиболее реальным средством к осуществлению переустройства общества на основе гуманистических принципов. Будущее, как известно, заставило Мора, Эразма и их друзей горько разочароваться не только в Генрихе VIII, просвещенность которого отнюдь не помещала ему стать жестоким деспотом, но и в самом идеале просвещенного государя.

⁴⁵ T. Stapleton. The Life and Illustrious Martyrdom of Sir Thomas More, London, 1966, p. 72.

⁴⁶ Th. More. The Latin Epigrams, p. 16—17.

Окончание следует